

МАГИЯ ЖИЗНИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Шоколад

Земляничный вор

Леденцовые туфельки

Завет Локи

Евангелие от Локи

Джентльмены и игроки

Другой класс

Ежевичное вино

Персики для месье кюре

Остров на краю света

Пять четвертинок апельсина

Чай с птицами

Блаженные

Темный ангел

*Доктору Филипу Оливеру
(1948–2020)*

Предисловие

ТАНАТОС¹

*«Потому что тесны врата
и узок путь, ведущие в жизнь,
и немногие находят его».*

Евангелие от Матфея, 7:14.

«Сент-Освальдз», сентябрь, 2006

Я часто замечаю, что такие мужчины, как вы, Рой, недооценивают таких женщин, как я. Вы, должно быть, полагаете, что мы в каком-то смысле ущербны. Что мы стремимся к власти, дабы компенсировать некую реальную или воображаемую несправедливость. Что мы должны ненавидеть мужчин за то, что они не допускают женщин в свои клубы «для мальчиков», что они всячески мешают им развиваться, что они в течение многих веков всячески их оскорбляют и эксплуатируют. Ну, в общем, да, в чем-то вы, возможно, и правы. Некоторые вещи и впрямь вынуждают женщин идти в контратаку, давать мужчинам отпор. Но многое в поведении мужчин, бросая нам вызов, лишь делает нас сильнее.

Женщина в роли директора школы? Ну, ежели такое возможно, думаете вы, значит, все то, во что мы до сих пор верили, попросту вывернуто наизнанку. Как мы вообще могли до такого дойти? Как допустили, чтобы наш мир оказался перевернут с ног на голову? И вы, мистер Стрейтли, говорите себе (имея в виду, разумеется, меня): такие женщины,

¹ В греческой мифологии бог и олицетворение смерти; брат-близнец Гипноса, бога сна; изображался в виде крылатого демона. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

как она, встали на этот порочный путь *не без причины*. Вы полагаете, что корни стремления женщины добиться успеха таятся в ее слабости. Или в ее гневе на мужчин; или в ненависти; или в страхе; или в ощущении ненадежности собственного положения. Вот именно поэтому я и одержу над вами победу. Ибо вы уверены в исходной слабости женщин. Даже тех, что сумели преуспеть, занять руководящий пост и обрести определенную власть.

Вот тут-то и кроется ваша ошибка, мистер Стрейтли. Я отнюдь не чувствую, что мне грозит опасность. Нет у меня и ощущения ненадежности собственного положения. И детство у меня было относительно спокойным и небогатым событиями, если не считать одного случая, когда я была еще совсем малышкой. Мои сексуальные партнеры казались мне удивительно безликими, почти до уровня единообразия. За исключением, пожалуй, Джонни Харрингтона, который лишил меня невинности, когда мне было шестнадцать, и еще полгода меня трахал, в итоге подарив мне ребенка и некое сомнительное удовлетворение от того, что я впервые в жизни по-настоящему занималась сексом, причем если и не с убийцей, то почти со столь же «замечательным» персонажем, разве что рангом чуть пониже. А в ином отношении он, как и все прочие, был вежлив, чрезвычайно уверен в себе и вполне предсказуем; так и ехал верхом на присущих ему с детства привилегиях, пока не занял место директора школы. Собственно, он во многих отношениях был прирожденным директором. Образцовый ученик школы «Сент-Освальдз», настолько уверенный в своем предназначении, что ему никогда даже в голову не приходило сомневаться, а соответствует ли он такому посту. Да, я действительно помогала ему подняться по карьерной лестнице. Но отнюдь не из каких-то там чувств или из-за того, что он некогда пожертвовал мне малую толику своей спермы — о существовании Эмили он понятия не имел, как и о том, чего мне стоило растить ее в одиночку, — а просто потому, что это соответствовало *моим* целям. Я всегда издали следила за его карьерой, а он

за моей не следил никогда. И в итоге я увидела для себя некую возможность. К тому времени как мы с ним вновь объединились, я уже могла предложить ему кое-какие полезные навыки и умения и стала для него не просто заместителем, но и доверенным лицом, вторым человеком в команде после него самого. А он, как всегда охотно, принимал мои услуги и даже мысли не допускал, что и я могу иметь собственные амбиции. Когда же после череды прошлогодних ужасных событий все его построения рухнули — я, собственно, не сомневалась, что так оно и случится, — я оказалась тут как тут и временно заняла его место, пока «Сент-Освальдз» пытался оправиться после очередного скандального происшествия. Ну, а решить остальные проблемы было совсем нетрудно. Все эти мужчины — как и вы, Стрейтли, — меня попросту недооценили. Так что мне для достижения поставленной цели потребовалось лишь немного времени, капелька лести, толика терпения, определенные усилия и выносливость, необходимая для того, чтобы вынести все те оскорбления и унижения, с которыми неизбежно сталкивается на своем пути любая честолюбивая женщина.

Но сейчас, сидя в *моем* директорском кабинете — который некогда был *его* кабинетом, — попивая кофе из *его* кофейной машины и развлекаясь бездумным созерцанием имен на Досках Почета, украшающих обшитые деревянными панелями стены, я чувствую, что справедливость все-таки восторжествовала. Это *мой* кабинет; это *мой* письменный стол. На подоконнике цветут *мои* орхидеи. И на парковке под окном *мое* законное место. Это *моя* кофейная машина. *Моя* чашка. *Моя* школа. Я эту должность заработала. Я здесь на своем месте. И мне больше ничего и никому не нужно доказывать. Школа «Сент-Освальдз» со всей ее историей, со всем ее безжалостным патриархальным багажом теперь моя. И сегодня именно я сижу в директорском кресле этой школы; и утром во время собрания именно я буду стоять за кафедрой в качестве Нового Директора «Сент-Освальдз» — хотя никогда еще ни одна женщина за целых пять веков этот

пост не занимала, — и держать речь перед учащимися, среди которых теперь не только мальчики, *но и девочки*; и именно я поведу этих детей прочь от невежества и средневековых заблуждений.

В школе «Сент-Освальдз» издавна была популярна поговорка: *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем женщине войти в эти ворота*. Ну что ж, я не только вошла в эти ворота, но и сделала их *моими*; отныне я сама устанавливаю здесь правила. Ошибка, которую вы, мужчины, совершили, оказалась весьма существенной. Впрочем, мужчины всегда совершают эту ошибку, поскольку привыкли повсюду входить через парадные двери. Женщинам же приходится быть более осмотрительными. И нам, чтобы пробраться внутрь незамеченными, нужна всего лишь узкая боковая дверь. А уж когда мы туда пробрались, словно паук сквозь замочную скважину, то сразу начинаем ткать из шелка собственную империю, вызывая у вас, мужчин, невероятное изумление.

А вот вы, Рой, мне всегда очень нравились. Правда. И не думайте, пожалуйста, что если в прошлом году я и была в команде ваших противников, то отнюдь не испытывала к вам ни уважения, ни приязни; вы и тогда были мне симпатичны. Но вы в любом случае неотъемлемая часть *старой* школы, а я принадлежу будущему. Хотя вряд ли вы понимаете, что это означает. Вы всегда составляли с «Сент-Освальдз» некое неразрывное целое, всегда принадлежали этой школе — и ребенком, и взрослым мужчиной. И вам, чтобы туда войти, никогда не нужно было пользоваться узкой боковой дверью. Неужели даже после прискорбных событий прошлого года вы все еще верите, что я над вами сжалюсь?

Как же мало вы меня знаете, Стрейтли! Я пережила в жизни куда больше бед и неудач, чем вы можете себе представить. Я родила свою дочь в семнадцать лет, но так ни разу в жизни и не назвала ей имени ее настоящего отца. Мне было двадцать три, когда я стала преподавать в одной школе, очень похожей на «Сент-Освальдз». И мне буквально на каждом шагу пришлось сражаться за свое место в жизни,

преодолевать бесконечные предрассудки, сексизм, осуждение. Я выжила после двусторонней мастэктомии — и мне не на кого было положиться. Я пережила смерть мужа и старшего брата; моя любовная история тоже закончилась трагически. Я видела, как медленно умирали мои родители. Моя дочь, покинув меня, перебралась в Америку. Я совершила два убийства; одно в состоянии аффекта, второе — по расчету. Мне всего сорок лет, но я уже начинаю пожинать урожай, посеянный моими амбициями. В общем, сейчас мое время, мистер Стрейтли. И нет, я ничуть не сломлена.

Я абсолютно целостная личность.

Часть первая

АХЕРОН¹

(РЕКА СКОРБИ)

Глава первая

(Классическая школа² для мальчиков³)
«Сент-Освальдз», академия⁴, Михайлов триместр⁵,
4 сентября 2006 года

Не стану притворяться: меня охватывает ощущение некоего зловещего предзнаменования, когда я в очередной раз вычеркиваю на первой же странице школьного дневника,

¹ Ахерон — в греческой мифологии болотистая, медленно текущая река в царстве Аида, через которую души умерших переправлялись в челне Харона.

² Во всех главах, посвященных дневниковым записям Стрейтли, зачеркнутое определение «классическая школа для мальчиков» свидетельствует о том, что этот старый учитель по-прежнему использует для своих записей чистые школьные дневники былых лет, как об этом упоминается и в предыдущем романе Дж. Харрис «Другой класс».

³ Грамматическая, или классическая, школа (grammar school) в Великобритании — это государственное или частное учебное заведение для детей от 11 до 18 лет, окончивших начальную школу и прошедших отборочные испытания (так называемый экзамен eleven-plus). Те, кто получил высокую оценку, поступают в шестой класс (sixth-form), где учатся обычно 2 года — в «младшем шестом» (lower sixth) и «старшем шестом» (upper sixth). Затем еще два года учебы в старших классах, где ведется подготовка к сдаче аттестационных экзаменов (A-level). Успешное окончание такой школы дает право на поступление в высшие учебные заведения. Классическая школьная программа предусматривает изучение древнегреческого и латинского языка, в отличие от программ средней современной школы (secondary modern school) или технической школы (technical school).

⁴ Статус «академия» дается привилегированному частному учебному заведению, самостоятельному в финансовом отношении.

⁵ Осенний триместр в англоговорящих школах Северного полушария.

некогда выпущенного специально для классической школы «Сент-Освальдз», столь важные слова. Но делать это придется — ведь теперь «Сент-Освальдз» больше уже не классическая школа для мальчиков, а *Академия*; это, как уверяет нас новый директор, позволит нам подняться невероятно высоко, чуть ли не в стратосферу, и стать одной из лучших независимых школ Севера.

Для такого рецидивиста, как я, это, похоже, конец. Пресловутый «ребрендинг», начавшийся в прошлом году под эгидой Джонни Харрингтона, нашего *предыдущего нового директора*, успел уже проникнуть в каждую щель «Сент-Освальдз» и заполнить все вокруг точно зловредный сорняк. Влияние Харрингтона проявилось тогда буквально во всем — от снятия Досок Почета в Среднем коридоре до усовершенствования рабочих мест в учительской и замены привычных черных классных досок *абсолютно белыми*. Кроме того, в каждом классе появились девочки. У нас даже девиз изменился. Теперь это «*Прогресс через традиции*». Видимо, подразумевается, что экспресс прогресса, промчавшись сквозь традицию, как сквозь некий туннель, с триумфом вынырнет наружу, весело растоптав по дороге все то, во что мы верили и на чем стояли.

Но после прошлогоднего хаоса, на какое-то время воцарившегося в нашей школе, а также после тех трагических событий, которыми был отмечен позапрошлый год, кое-кто, наверное, сказал бы, что нам еще повезло. Давно откладываемое слияние «Сент-Освальдз» с «сестринской» грамматической школой для девочек «Малберри Хаус» несколько отвлекло болезненное внимание общественности от наших внутренних проблем, а благодаря появлению у нас в старших классах юных представительниц прекрасного пола местная пресса разразилась целой чередой одобрительных статей, хотя до сих пор она — это сложилось чисто исторически — относилась к нашей школе скорее отрицательно. Впрочем, она, безусловно, умна, мысли свои выражает предельно четко, имеет вполне презентабельный вид и отлично умеет на-

ходить общий язык со средствами массовой информации. На днях в последнем выпуске «Молбри Икземинер» на первой полосе помещен портрет госпожи Бакфаст: она в одном из своих элегантных брючных костюмов стоит среди наиболее фотогеничных девочек, новых учениц «Сент-Освальдз», облаченных в новую и весьма симпатичную школьную форму (утвержденную, разумеется, самой госпожой Бакфаст); все они улыбаются прямо в объектив камеры и похожи на генералов армии, одержавшей решающую победу.

Да, именно госпожа Бакфаст составляла, можно сказать, треть пресловутой Антикризисной Команды Джонни Харрингтона, и именно ей пришлось почти в течение года заменять его. И вот теперь она наконец-то с полным правом воцарилась в директорском кабинете. Ее коллеге, директору школы «Малберри Хаус» (мисс Ламберт, или Зовите-меня-просто-Джо¹), была предложена должность заместителя директора «Сент-Освальдз», но она предпочла пораньше выйти на пенсию и с тех пор не раз была замечена на различных престижных приемах, где, как мне рассказывали, во время послеобеденных разговоров собирает поистине грабительские взносы на всевозможную благотворительность. Второй заместитель Харрингтона и тоже бывший член его Антикризисной Команды занял пост директора в другой школе. Доктор Маркович, который всего лишь с прошлого года преподает у нас немецкий язык, стал Вторым Директором «Сент-Освальдз», что вызвало гнев и разочарование не только у доктора Дивайна, который постоянно продвигал и поддерживал Марковича и теперь воспринимает его резкое повышение по службе как предательство, но и у Боба Стрейнджа, нашего Третьего Директора, который с самого начала был сторонником Ла Бакфаст и не сомневался, что его давно откладываемый переход на следующую карьерную ступень — это всего лишь маленькая формальность.

¹ Персонаж книги Дж. Харрис «Другой класс», директор школы для девочек.

Языковых кафедр слияние двух школ практически не коснулось, хотя кое-кому из моих пожилых коллег и пришлось потесниться, поскольку в наши ряды влилось несколько молодых преподавателей. Впрочем, Китти Тиг по-прежнему возглавляет французскую кафедру, доктор Дивайн — немецкую, а я, единственный преподаватель классических языков, из последних сил защищаю вверенное мне подразделение. Пока осталась на месте мисс Малоун (она же Береговая Сирена), и двое преподавателей перешли к нам из «Малберри Хаус»: молодая женщина типа Низкокалорийный Йогурт (по моей классификации) и молодой человек с маленькими, совершенно бандитскими усиками, хотя и чересчур изнеженный, чтобы быть членом настоящей преступной группировки, и слишком модный, чтобы принадлежать к числу Офисных Костюмов¹.

Вы, возможно, предположили, что подобные перемены даже меня подтолкнули к намерению покинуть наше старое судно и сойти на берег? Что ж, не стану отрицать: подобная мысль приходила мне в голову. Вот только что стал бы я делать с таким количеством неожиданно обретенной свободы? Такие старые Твидовые Пиджаки, как я, крайне редко процветают, выйдя на пенсию. Мы истлеваем подобно савану на мертвом теле, не выдерживая соприкосновения со свежим воздухом. В прошлом году мы уже потеряли троих: Гарри Кларка; Пэта Бишоп, умершего слишком молодым от инфаркта — хотя сердце его было разбито еще два года назад, — и моего старого друга Эрика Скунса, чей давний план выйти на пенсию и перебраться в Париж был грубо нарушен инсультом, за которым последовала яростная атака старческой деменции. Мой лечащий врач говорит, что такое

¹ Классификация учителей «Сент-Освальдз» (по Рою Стрейтли) приведена в романе Дж. Харрис «Другой класс». Это, например: Бизнесмен, или Офисный Костюм; Ярый Стронник, или Зануда; Бывший Ученик; Твидовый Пиджак (сам Стрейтли); а школьные дамы — это чаще всего Драконы или Низкокалорийные Йогурты.